

Бондарев Виталий Александрович

Донской государственной технической университет,
г.Ростов-на-Дону, Российская Федерация
vitalijj-bondarev27@rambler.ru

**Хутор как объект государственной политики
в советскую и постсоветскую эпохи (на материалах Юга России)**

Аннотация. Объектом исследования является хутор как одна из характерных форм сельских поселений в России и, в том числе, в южно-российских регионах. Работа основана на архивных материалах, периодике, статистических данных. Предметом исследования выступает государственная политика в отношении хуторской формы сельского расселения, жизнеустройства и жизнедеятельности, которая на протяжении XX – начала XXI оказывала и продолжает оказывать определяющее воздействие на динамику численности, состояние, перспективы российских хуторов.

Ключевые слова: аграрная сфера; деревня; крестьянство; ликвидация неперспективных деревень; хутор; хуторское расселение

Bondarev Vitaliy Aleksandrovich

Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russian Federation
vitalijj-bondarev27@rambler.ru

**Khutor as an object of state policy in the soviet and post-soviet eras
(based on materials from the South of Russian Federation)**

Abstract. The object of research is a farmstead as one of the characteristic forms of rural settlements in Russian Federation and, in particular, in the southern Russian regions. The work is based on archival materials, periodicals, and statistical data. The subject of research is public policy farmstead forms of rural settlement, lifestyles and livelihoods, which during the XX – early XXI has had and continues to have a decisive impact on the population dynamics, status and prospects of the Russian hamlets.

Keywords: agricultural sphere; village; peasantry; liquidation of unpromising villages; farmstead; farm settlement

Одной из распространенных форм сельского расселения в России издавна являлся хутор, под которым, как правило, понимается населенный пункт небольших размеров, нередко отдаленный от других поселений. Весьма широкое распространение хутора получили в южно-российских регионах, – на Дону, Кубани и Ставрополье, – причем здесь они отличались не только своей высокой численностью, но и гораздо более внушительными параметрами, чем в других регионах страны: если в центральной России хутор представлял собой малый населенный пункт из одного или, реже, нескольких домохозяйств, то на юге хутора состояли из десятков дворов. Однако, к началу XXI в. количественные параметры и общее состояние хуторских поселений в

Российской Федерации весьма далеки от идеала, что объясняется не только объективными социально-экономическими процессами, но и государственной политикой. Настоящая публикация, основанная на материалах Юга России, представляет собой попытку обзора причин, приемов и результатов политики советского и постсоветского государства в отношении хуторской формы сельского жизнеустройства.

В хронологических границах советской эпохи наиболее благополучным периодом для хуторской формы расселения и хозяйства стали 1920-е годы, поскольку действовавшим в данное время законодательством (Земельным кодексом 1922 г.) предусматривалось сосуществование различных способов землепользования и форм расселения, среди которых была и хуторская. Широкие размеры крестьянское движение за выход на хутора и отруба приобрело в Западном, Северо-Западном и Центральном-Промышленном регионах советского государства, где в 1922–1927 гг. было выделено для данных форм расселения около 3,5 млн га (для сравнения: по всей стране под колхозы за это же время было отведено немногим более 2 млн га [Кабанов, 1993: 42]). Хутора были весьма популярны и на Юге России, о чем убедительно свидетельствует, например, изданный в 1925 г. «Список населённых мест Северо-Кавказского края»: в границах этой крупной административно-территориальной единицы объединялись в то время Дон, Кубань, Ставрополье и автономные образования Северного Кавказа. В данном «Списке» перечислено громадное количество хуторов. В частности, в Мальчевско-Полненском районе (ныне Миллеровский район Ростовской области, родина автора настоящей публикации), в 1925 г. насчитывалось 286 населенных пунктов, из них хуторов – 250, или 87,4 % от общего количества селений [Список населённых мест Северо-Кавказского края, 1925: 76 – 89].

Вместе с тем, хутора и отруба крайне негативно воспринимались большевистским руководством и множеством рядовых коммунистов как способствующие укреплению частнособственнических начал и усиливающие «мелкобуржуазную стихию». Поэтому, как отмечал В. В. Кабанов, хотя «Декрет о земле и последующие законодательные акты провозглашали свободу выбора форм землепользования», на практике «земельные органы от местных до центральной власти различными запретительными мерами сводили это право на нет» [Кабанов, 1993: 42].

В 1930-х гг. хуторская форма сельского жизнеустройства предоставила партийно-советскому руководству новые основания для недовольства. Будучи вовлечены в колхозы, южно-российские хуторяне, тем не менее, с большим успехом уклонялись от участия в общественном производстве, чем их коллеги из сел и станиц. Ведь жители хуторов находились в удалении от колхозного начальства, не так уж часто посещавшего их уединенные селения, и могли держать больше скота и обрабатывать больше земли, чем разрешалось «Примерным уставом сельхозартели». Как нередко бывает, наиболее ярко подобная ситуация обрисована не в сухих документах, а в романе А. В. Калинина «Курганы», события в котором разворачиваются на Нижнем

Дону в 1933–1934 гг. Упоминая некий хутор Зеленый Брод под Новочеркасском, Калинин пишет, что «в колхоз хуторские вступали последними. А вступив, продолжали оставаться на отшибе. На поле, бригадах – их хоть не ищи». Зато «огороды вокруг хутора, как степь белой кашкой, цвели бабьими платками, а казаки» расхаживали «по своим усадьбам, лениво постукивая молотками по расшатавшимся колышкам огорожи, подновляя... хозяйство» [Калинин, 1941: 60, 61].

Поскольку относительная самостоятельность хуторян не могла быть терпима в условиях колхозной системы, 27 мая 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О сселении дворов колхозников, проживающих на бывших участках хуторского землепользования, в колхозные селения». Было дано указание сселить в крупные селения жителей хуторов в количестве: по Украинской ССР – 105 тыс. хозяйств в 1939 г. и 46 тыс. хозяйств к 1 сентября 1940 г.; по Белорусской ССР, соответственно, – 90 тыс. и 33 тыс.; по Смоленской области РСФСР – 80 тыс. и 33 тыс., Калининской области – 35 тыс. и 17 тыс., Ленинградской области – 26 800 человек. В остальных республиках, краях и областях СССР, где имелись колхозные и единоличные дворы на хуторах, предписывалось провести сселение с таковых в 1939 г [Трагедия советской деревни, 2006: 426].

Региональные партийные комитеты Юга России, – в 1939 г. это были Ростовский обком и Краснодарский и Орджоникидзевский крайкомы ВКП(б), – оперативно отреагировали на правительственные постановления. Так, Ростовский областной комитет ВКП(б) уже 29 мая 1939 г. принял постановление по поводу сселения хуторян, обязав районное руководство к 10 июня 1939 г. предоставить свои соображения о переселении [ЦДНИ РО, 147: 30]. План сселения хуторян был разработан к середине июня 1939 г., а к 1 января 1940 г. выполнен на 90,7 %: из намеченных 905 хуторских дворов был расселен 821 двор [ЦДНИ РО, 202: 133].

Майское постановление 1939 г. предусматривало сселение не всех вообще хуторов, а только тех, которые были основаны именно как небольшие населенные пункты (нередко, с одним или несколькими дворами) с отдельным землепользованием. Более крупные хутора, в которых в доколхозные времена была принята поселковая или общинная форма землепользования и в которых во время коллективизации были созданы небольшие колхозы, сселению не подвергались.

Однако, в послевоенный период в Советском Союзе и, в том числе, в РСФСР и в южных регионах республики, был предпринят очередной натиск на хутора. Наиболее серьезным ударом по хуторской форме сельского жизнеустройства стала кампания ликвидации неперспективных деревень, проходившая в СССР в 1960–1970-х гг. Эта кампания была направлена на укрупнение сети сельских поселений при одновременном сселении малых деревень. Так, в марте 1968 г. председатель Ростовского облисполкома В. Ф. Мазовка констатировал, что в одном лишь Сальском районе области планировалось из 152 населенных пунктов оставить 79 [Ленинский путь донской станицы, 1970: 266]. В итоге, значительная часть небольших населенных

пунктов была уничтожена, а их жители переселены в крупные села и станицы или, при наличии возможности, переехали в города.

Частным свидетельством сокращения численности хуторов в ходе кампании по ликвидации неперспективных деревень выступают статистические данные по Мальчевско-Полненскому (Миллеровскому) району Ростовской области. Как уже отмечалось, в 1925 г. здесь насчитывалось 250 хуторов. Когда в 1965 г. был образован Миллеровский район, не все сельсоветы и населенные пункты Мальчевско-Полненского (в 1930–1950-х гг. – Мальчевского) района вошли в состав этой новой административной единицы. На территории сельских советов Мальчевско-Полненского района, которые впоследствии оказались в составе Миллеровского района, в 1925 г. насчитывался 181 хутор [Список населённых мест Северо-Кавказского края, 1925: 76 – 89]. В 1968 г. их осталось лишь 69 [Ростовская область, 1968: 45 – 48].

Как видим, убыль хуторов в пределах Миллеровского района за период с 1925 г. по 1968 г. является более чем существенной. Конечно, речь идет о значительном временном промежутке, к тому же, наполненном бурными и грозными событиями. В это время на снижение численности хуторов повлияли не только укрупнения колхозов и кампания по ликвидации неперспективных деревень, но и вышеописанные мероприятия по укреплению колхозной системы, и огромные разрушения и потери в годы Великой Отечественной войны. Все же, кампания по ликвидации неперспективных деревень имела едва ли не самые разрушительные последствия. В данном случае очень важными представляются данные, содержащиеся в подготовленном сотрудниками органов статистики Ростовской области «Перечне населенных пунктов, исключенных из учетных данных в связи с их сселением или объединением с другими населенными пунктами (за время с августа 1963 года по январь 1968 года)». В «Перечне» значится 208 хуторов Мальчевского и Миллеровского районов [Ростовская область, 1968: 221 – 245]. То есть, всего за пять лет в одном отдельно взятом районе области с лица земли исчезло свыше двухсот хуторов.

Конечно, далеко не все эти хутора исчезли вовсе. Многие просто утратили субъектность, оставшись на прежних местах, но будучи включены в состав более крупных населенных пунктов. Однако и прямой снос хуторов в рамках кампании ликвидации неперспективных деревень не был редкостью. Так, в 1970-х гг. в Миллеровском районе были ликвидированы хутора Веселый, Каминник, Полтава и т. д.

Надо сказать, что немало жителей ликвидированных хуторов, переехавших в села или в город Миллерово, упорно не желали забывать о своей малой Родине. Ярким примером являются жители хутора Полтава. Он был расположен примерно в 10 км от Миллерово, в связи с чем немало его жителей переехали в этот город. Но забыть о своем родном хуторе полтавчане не могли, и в августе 2000 г. на место, где некогда стояла Полтава, «съехалось несколько десятков бывших полтавчан, накрыли прямо на траве длинный стол, выбрали самого почетного земляка Алексея Герасимовича Горду,

1914 года рождения..., и стали под его председательством рассказывать о своей жизни, о тоске по уголку земли, который приходит к каждому в сновидениях» [Крестьянин, 2000: 9]. Автор настоящей публикации воочию наблюдал, как спустя двадцать лет после переселения, – в середине 1990-х гг., – полтавчане приезжали на хуторское кладбище, располагавшееся на пологом спуске холма, и ухаживали за могилами родственников. Ограды и надгробия были аккуратно покрашены, трава прополота, могилки посыпаны песком. Но время брало свое: уже в начале 2000-х гг. кладбище заросло сорняками, исчезли фотографии с надгробий, сами надгробия покосились или упали наземь. Очевидно, переселенные дети и внуки погребенных полтавчан умерли, а для правнуков могилы далекой родни не более, чем абстракция. Такая же ситуация и с кладбищем хутора Каминник.

Вместе с тем, политика ликвидации неперспективных деревень преследовала благие цели, заключавшиеся в том, чтобы повысить уровень жизни селян, облегчить им доступ к услугам образовательных, просветительных, культурно-бытовых, медицинских учреждений, и т. п. Совершенно иной характер имели так называемые «реформы» 1990-х гг. и курс на «оптимизацию» в 2000-х гг. Постсоветская эпоха, пожалуй, оказалась для небольших сельских поселений России несоизмеримо более разрушительной, чем советская. Представляется в значительной мере обоснованным мнение Л. Н. Мазур о том, что в постсоветский период «активная преобразовательная деятельность 1970-х гг. сменилась полным отсутствием политики» [Мазур, 2005: 37], если разумеется под таковой мероприятия по развитию деревни.

В итоге, на протяжении постсоветских десятилетий деревня стремительно деградирует. По статистике, с 1990 г. по 2015 г. посевная площадь сельхозкультур в России сократилась на 39 млн га, поголовье скота снизилось в несколько раз (крупного рогатого скота – с 57 043 тыс. голов до 19 264,3 тыс., свиней – с 38 314,3 тыс. голов до 19 546,1 тыс., и т. д.), ухудшилось техническое оснащение аграрного производства: численность тракторов снизилась с 1 365,6 тыс. до 247,3 тыс., зерноуборочных комбайнов – с 407,8 тыс. до 64,6 тыс. [Смыслы сельской жизни, 2016: 34 – 35]. Отсутствие работы в деревне и общая деградация аграрной сферы повлекли за собой сокращение численности сельского населения и, в особенности, молодежи, которая стремится в города, где «есть условия для получения образования и самореализации» [Смыслы сельской жизни, 2016: 149]. Все это привело к дальнейшему запустению и исчезновению множества деревень и хуторов. В частности, в Миллеровском районе в 1990-х гг. и за последние годы полностью исчезли хутора Бочёнков, Суровский, практически исчез Теплицкий, где остался один житель да еще действует фермерское хозяйство. Угасает хутор Зинцева балка, где осталось три дома, и т. д.

В заключение нашей работы необходимо специально подчеркнуть, что произошедшее в советскую эпоху и продолжающееся в постсоветский период резкое сокращение численности хуторов как малых форм сельских поселений, в значительной мере, вызвано объективными обстоятельствами. Это есть закономерный результат советской модернизации, когда обществ из традиционного аграрного превращалось в

индустриальное, урбанизация шла галопирующими темпами, постоянно увеличивался отток населения в города. В определенной мере, сокращение численности хуторов является и результатом изменившегося образа жизни граждан советской и постсоветской России. Если крестьянам XIX – начала XX вв. для основания хуторов и жизни в них было достаточно источника воды и удобной для пахоты и пастьбы скота земли, то нашим современникам для комфортной жизнедеятельности требуется гораздо больше условий: электричество, связь, легкий доступ к образовательным и медицинским учреждениям и много чего еще. Вместе с тем, невозможно преуменьшить и разрушительного воздействия на хутора целенаправленной государственной политики в советскую эпоху, базировавшейся не только на рациональных экономических расчетах, но и на коммунистической идеологии, согласно которой наилучшим типом расселения являлись города и агрогорода. В конечном итоге, разрушительные импульсы советской антихуторской политики были стократно усилены в эпоху безвременья 1990-х гг. и действуют до сих пор. Исчезновение небольших сельских поселений свидетельствует о глубоком кризисе российской деревни и закономерно ведет к запустению территорий, усугубляя и без того тяжелое положение на селе.

Библиографический список

- Кабанов В. В.* Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 34 – 46.
- Калинин А. В.* Курганы. Ростов н/Д.: Ростиздат, 1941. 264 с.
- Ленинский путь донской станицы / Под ред. Ф. И. Поташева, С. А. Андропова. Ростов н/Д.: Ростовское кн. изд-во, 1970. 275 с.
- Мазур Л. Н.* Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х . 1980-е гг.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 25 – 37.
- Ростовская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1968 года. Ростов н/Д.: Ростовское кн. изд-во, 1968. 247 с.
- Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСПиМ, 2016. 368 с.
- Список населённых мест Северо-Кавказского края. Ростов н/Д., 1925. 639 с.
- Тоска по малой родине // Крестьянин. 2000. № 46. С. 9.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5-ти т. Т. 5. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2006. 703 с.
- Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 147. Л. 30. ЦДНИ РО. Ф. 9. Оп. 1. Д 202. Л. 133.